

УДК 352.07+316.732+94(574/575)

НАРОДНОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ В ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИХ ВЛАДЕНИЯХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ КАК ОБЪЕКТ АККУЛЬТУРАЦИИ

© 2019 Д.В. Васильев¹, С.В. Любичанковский²

¹Московский городской педагогический университет

²Оренбургский государственный педагогический университет

Статья поступила в редакцию 14.03.2019

Приступая к цивилизационному освоению Казахской степи в конце XVIII в., Российская империя главную роль отвела исламу, надеясь распространить на регион татарскую модель межкультурного и межконфессионального взаимодействия, которая показала свою эффективность во внутренней России. Особая роль в культурном освоении региона отводилась народному просвещению. Власть была уверена, что местные дети активно потянутся в обычные русские школы. Но этого не произошло. И тогда власть вынуждена была сменить тактику – от поддержки ислама перешла к ограждению населения (особенно кочевого) от его влияния. Но и в новых условиях мусульманская школа продолжала оставаться успешным конкурентом русским учебным заведениям. Аккультурационное влияние российского просвещения в Туркестанском и Степном генерал-губернаторствах было минимальным. Опасения мусульманского сопротивления сдерживали трансформацию традиционной конфессиональной школы в государственных интересах, а неповоротливая имперская бюрократия оказалась безоружной перед новометодными мактабами, принявшими на себя культуртрегерскую функцию.

Ключевые слова: Туркестан, Степной край, казахи, русский язык, народное образование, аккультурация, русификация.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №17-18-01008), реализуемого в Оренбургском государственном педагогическом университете.

ВВЕДЕНИЕ

Среди вопросов, возникающих по поводу инкорпорирования Центральной Азии в состав Российской империи, особое место занимает проблема русификации коренного населения. И хотя в последнее время появился ряд работ, рассматривающих процессы русификации в империи в целом и в Центрально-Азиатском регионе в частности¹, отдельные аспекты ее реализации нуждаются в более конкретной интерпретации. Современный взгляд на место и роль русского языка и европеизированного об-

Васильев Дмитрий Валентинович, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории. E-mail: dvvasiliev@mail.ru

Любичанковский Сергей Валентинович, доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории России. E-mail: svlubich@yandex.ru

разования в центральноазиатских государствах может убедить в том, что языковая и цивилизационная аккультурация коренных жителей региона активно развивалась еще в имперский период.

Настоящая статья призвана рассмотреть политику и практику российских властей в отношении народного просвещения в регионе и ответить на вопрос о значимости языкового и образовательного факторов в процессе аккультурации жителей туркестанских и степных областей.

МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Определенная методологическая основа для предложенного исследования создана в ряде работ российских исследователей последнего времени².

Источниками настоящего исследования являются опубликованные законодательные акты, посвященные вопросам конфессионального взаимодействия власти с мусульманским населением Российской империи вообще и Центрально-Азиатского региона в частности. Выбор источниковой базы определяет методы исследования.

Для описания и исследования образовательной политики Российской империи весьма плодотворными являются исторический и логический методы, выступающие в диалектическом единстве. Применение логического метода дает возможность рассмотреть суть и содержание образовательной политики государства в туркестанских и степных областях, взаимосвязь и взаимообусловленность ее отдельных элементов, а исторического – позволяет увидеть ее трансформацию во времени. К другим методам настоящего исследования следует отнести критику и анализ опубликованных источников.

Привлекаемые нормативно-правовые акты объясняют необходимость применения формально-юридического метода, позволяющего осуществить соответствующий анализ событий и фактов, имеющих правовое значение. Сравнительно-правовой метод дает возможность осуществить сравнение нормативно-правовых актов, относящихся к исследуемой сфере регулирования, но к разным периодам времени или разным создателям. Это позволяет выявить наличие или отсутствие общего направления образовательной политики, реализовавшейся в отношении рассматриваемого региона. С учетом того, что главными персонажами статьи являются два взаимодействующих социально-культурных типа, можно говорить о применении цивилизационного подхода к изучению формирования новой административной системы.

Современная историография знает работы, посвященные изучению языковой и образовательной среды соседних территорий исследуемого периода³. Тем более

значимо расширение сферы исследования за счет других территорий юго-восточной окраины Российской империи (Туркестанского и Степного генерал-губернаторств).

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Политическая линия Российской империи в деле приобщения мусульман Центральной Азии к общероссийским реалиям с целью превращения их в лояльных подданных империи не выглядела широким проспектом. Она напоминала скорее извилистую улицу, довольно протяженную, петляющую и шарахающуюся из стороны в сторону. Где-то она раздваивалась, где-то шла в противоположных направлениях. Да и названия эта улица не имела – трудно подобрать слово, объединяющее все перипетии. Хотя можно назвать ее «Проектируемой», с одной стороны, из-за нестабильности и изменчивости правительственных мероприятий, с другой стороны, из-за обилия реализованных и нереализованных проектов.

Так, приступая к практическому освоению Казахской степи, то есть начав воспринимать ее как часть (не внешнюю) собственно Российской империи, Екатерина II подошла к вопросу воспитания лояльности в среде казахов весьма основательно и руководствуясь обязательными для себя принципами Европейского просвещения. Позиционируя себя «матерью Отечества», неусыпно заботящейся о благе своих подданных, государыня, исходя из сакраментального принципа «не навреди», принципиальную роль в деле воспитания у кочевников лояльности к российской власти отвела исламу. Судя по всему, Петербург рассчитывал реализовать в кочевой среде татарскую модель межкультурного и межконфессионального взаимодействия.

Весной-летом 1767 г. Екатерина II предприняла путешествие по Волге с посещением Казани и Булгарского городища. В 1771 г. в Казани были открыты сразу два медресе – Апанавское и Ахундовское, а через два года

императрица подписала указ «О терпимости всех вероисповеданий», сдерживавший православный прозелитизм и позволявший иноверцам строительство молитвенных домов под присмотром местного начальства. В 1780 г. свои двери открыло Амирхановское медресе в Казани, а спустя два года в Москве была построена небольшая мечеть. 22 сентября 1788 г. в Уфе был создан орган управления духовными делами мусульман – Оренбургское магометанское духовное собрание (ОМДС), сфера ответственности которого распространялась практически на всю территорию Российской империи, за исключением Крыма и Кавказа.

Неизвестно, что конкретно подтолкнуло Екатерину II на столь существенный шаг. Представляется, что не только необходимость государственного регулирования духовной жизни мусульманских народов Поволжья.

В начале 1880-х гг. императрица обращает пристальное внимание на Казахскую степь. Представляется, что в это время она принимает решение о начале активного приобщения региона к общегосударственной жизни – о превращении Малой орды во внутреннюю область империи. Поэтому и начинает действовать здесь в контексте политики, принятой в отношении казанских татар. Исходя из заключения, что казахи предрасположены к исламу более, чем к христианству, Екатерина II решает именно через ислам (подобно татарам) поставить их на службу интересам Российской империи.

В 1782 г. было принято решение о строительстве на землях, прилегающих к казахским кочевьям, мечетей⁴, что вскоре и начало реализовываться⁵. В 1784 г. симбирским и уфимским генерал-губернатором был назначен О.И. Игельстром, на долю которого выпало введение системы косвенного управления казахскими землями – промежуточной административной формы на пути интеграции региона в общеимперское пространство⁶. Уже в следующем году

были опубликованы указы о строительстве при оренбургской и троицкой мечетях мусульманских школ и караван-сараев, строительстве новых культовых сооружений⁷ и снабжении всех кочевых родов муллами из казанских татар, материально стимулируя их «...к удержанию киргисцев в верности к нам, к удалению их от набегов и хищничества...»⁸. Положения этих указов были повторены и годом позже⁹. Имперская власть в екатерининский период была реально обеспечена тем, что некоторые казахи «мало привязаны к своему закону». В 1786-1787 гг. в Малую орду было направлено из Оренбурга более 20 мулл, выдержавших испытания в Пограничной комиссии. В 1787 г. в орде была распространена партия Коранов, закупленная по приказу генерал-губернатора, и сделан заказ на новую. Без сомнения, это было сделано ради обеспечения священной книгой малоимущих казахов. Сегодня покажется парадоксальным, но именно через школу и распространение в степи «наук» власти надеялись, что «...богослужение, по мере их просвещения, от часу будет между ими ревностнее, и суеверие, которого ныне по незнанию своего закона придерживаются, уменьшится...»¹⁰. А монотеистические подданные, безусловно, более удобны в управлении, чем язычники.

Учреждение ОМДС стало своеобразным завершающим аккордом в деле конструирования религиозно-административной структуры империи, объединившей управление духовными делами мусульман Центральной и Азиатской России. Активное привлечение председателя ОМДС муфтия Мухаммеджана Хусаинова к строительству новой системы управления Малой ордой¹¹ служит еще одним доказательством того, что новая структура создавалась в том числе и ради адаптации казахского населения к новым административно-политическим реалиям.

Особая роль в культурном освоении региона отводилась народному просвещению. Конечно, первоначально российская

власть акцентировала свое внимание на устройстве школ собственно для русского населения. Чиновников, переводчиков, учителей готовили русские школы, открывавшиеся в это время сначала в административных центрах на границе со Степью. В 1786 г. в Омске была открыта Азиатская школа, а в 1789 г. подобное учебное заведение появилось и при меновом дворе в Оренбурге. Кроме русских здесь обучались и казахские дети.

По инициативе хана Внутренней орды Букея первая казахская светская школа открылась в Ханской Ставке в 1841 г. Юные казахи обучались здесь русскому языку, математике, географии, восточным языкам, исламу. С 1850 г. функционировала школа при Оренбургской Пограничной комиссии, которая знаменита еще и тем, что в 1857 г. ее окончил известный казахский просветитель И. Алтынсарин. Позже при его непосредственном участии были открыты казахская школа в Тургае (1864), русско-казахские училища в Иргизе (1879) и в Кустанае (1884). А в 1883 г. его стараниями открылась первая казахская учительская школа в Орске.

По мере завоевания новых пространств в Центральной Азии в середине XIX в. началось и более глубокое культурное освоение региона. Уже в 1860 г. русские школы были открыты в форте № 1 (Казалинске) и Перовске Сырдарьинской линии. Позднее эти школы были преобразованы в казахские (в 1865 и 1863 гг. соответственно). Около десятка школ для русских детей функционировало к 1867 г. вдоль Сибирской линии. Первая русская школа для мальчиков и девочек открылась в Ташкенте уже через год после его завоевания в 1866 г. Вслед за образованием Туркестанского генерал-губернаторства в 1867 г. русские школы для детей коренного населения стали открываться в крупных административных центрах региона¹².

Обратим внимание на то обстоятельство, что если в екатерининское время власть

стремилась ускорить цивилизационное освоение казахских земель через распространение ислама, то во второй половине XIX в. перед российской администрацией встала задача не меньшей политической важности – оградить казахов и киргизов от влияния более консервативного ислама Мавераннахра, в котором правительство видело препятствие к утверждению российской государственности в регионе. И, несмотря на то, что количество мактабов и медресе в уездах с преобладающим кочевым населением значительно уступало уездам, населенным оседлыми жителями, мусульманская школа продолжала оставаться успешным конкурентом учебным заведениям нового типа.

Еще первый генерал-губернатор Туркестанского края К.П. Кауфман в отношении ислама избрал тактику «игнорирования», следствием которой стало не только исключение служителей культа из сферы активной политической жизни, но и некоторое сокращение мощи мусульманской школы, не лишившейся тем не менее своей привлекательности в глазах коренного населения. Исследователи отмечают, что вскоре после создания в Туркестане российской администрации в системе образования (1875) отмечался «...упадок медресе, злоупотребления мутавалиев, уменьшение количества учащихся, запустение грандиозных зданий медресе... и упадок посещаемости мальчиками макабов после того, как царская власть упразднила должности раисов»¹³. Иными словами, избранная туркестанскими властями тактика игнорирования ислама поначалу возымела действие и положила начало сокращению безраздельного господства традиционного мусульманского образования в регионе.

После 1884 г. в Туркестане стали появляться школы нового типа – русско-туземные (с русским и «туземным» классами) для совместного обучения детей русских и коренных жителей. Следующим шагом в деле укрепления российского влияния в сфере народного просвещения стало введение в 1890 г. должности инспектора мусуль-

манских школ, которую занял преподаватель Ташкентской учительской семинарии В.П. Наливкин.

Перед лицом проникновения в Туркестанский край джадидизма из внутренних территорий России он решил осуществить принципиально сходную модернизацию, но только в пределах доступной ему традиционной мусульманской школы, которая, в условиях в той или иной степени господствовавшей концепции «игнорирования ислама», фактически находилась вне поля активного взаимодействия с российской администрацией, то есть не видела и не ощущала никаких сдерживающих и ограничивающих факторов.

Российский руководитель мусульманской системы образования в Туркестанском крае предложил отказаться от простого заучивания арабских текстов в медресе; перевести арабскую грамматику, пособия по мусульманскому богословию и праву на язык местного оседлого населения; начать преподавание арифметики и других естественнонаучных предметов на родном языке; осуществить отбор преподавателей и обучающихся, а также очистить библиотеки медресе от ретроградной учебной литературы¹⁴.

Однако извечные опасения вызвать религиозную фронду не позволили реализоваться этому прогрессивному плану. Высшее военно-административное руководство вместе с главным инспектором училищ Ф.М. Керенским отказалось поддержать предложения, которые могли бы не просто модернизировать традиционную школу, но и привели бы к закреплению русского языка в практике местной мусульманской элиты – своего рода культурное миссионерство.

Та же печальная судьба ожидала и предложение Наливкина открыть при медресе курсы русского языка. Военные губернаторы областей, основываясь на личных наблюдениях за грустным положением русско-туземных школ, сочли идею непопулярной и несостоятельной, ибо «...на-

селение не видит никакой прямой пользы от изучения русского языка и не пойдет на курсы при медресе»¹⁵.

В итоге оказавшаяся неуместной должность инспектора мусульманских школ была упразднена, открыв дорогу появлению новых мусульманских учебных заведений и росту числа обучающихся в них, что вполне естественно объясняется веяниями времени.

Даже Андижанский мятеж 1898 г. не повлек за собой сколько-нибудь существенно изменения позиции туркестанских администраторов в отношении мусульманской школы. Было лишь признано необходимым поставить их под более жесткий контроль уездных и областных властей. Признав необходимым расширение просветительской деятельности в среде коренного населения, туркестанское начальство стало поощрять проведение лекций с пропагандой современных знаний, которые читались на местном языке. На местные языки было переведено несколько произведений русской литературной классики, а также пара научно-популярных брошюр. Добавим сюда несколько экскурсий в центр России, организованных для нерусских выпускников русско-туземных школ. Этим, пожалуй, и ограничились меры краевых властей, направленные на преобразование мусульманского образования в интересах государства.

Красноречивый итог этим мероприятиям на рубеже веков подвели «Туркестанские ведомости»: «Говорят о культурной роли нашей в Средней Азии. В данном случае наше культурное влияние блистало своим отсутствием». Из более 45 тыс. детей коренного населения в Туркестанском генерал-губернаторстве в русско-туземных школах обучалось чуть более 800. А какой смысл направлять туда детей, если школы эти не дают никаких навыков для практической жизни, да и русскому языку учат из рук вон плохо¹⁶.

Известный востоковед и крупный туркестанский чиновник Н.С. Лыкошин отмечал бесполезность русского образования в

русско-туземных школах: «...занятия в мусульманском классе идут часто успешнее, чем в русском, и самое обучение в двух параллельных классах по очереди приводит к тому, что мусульманские знания, не имеющие ничего общего с проводимой в русском классе наукой, положительно парализуют старания русского учителя и только мешают мальчику сосредоточиться на изучении русского языка»¹⁷.

Неудачи русско-туземных школ в то же время не означали, что краевая администрация не предпринимала других шагов в деле европейского просвещения коренного населения. Еще первый генерал-губернатор Туркестана К.П. Кауфман особую роль здесь отводил собственно русской школе, гостеприимно открывшей двери детям всех местных жителей.

После подавления Андижанского мятежа сначала инспектор (1892-1900 гг.), а с 1900 г. и директор народных училищ Сырдарьинской области С.М. Граменицкий предложил кардинально изменить отношение к преподаванию русского языка в русско-туземных школах. Изучение русского должно было приобрести более интенсивный и прагматичный характер. Педагогический процесс следовало переориентировать на овладение разговорной речью. Эта мера оказалась весьма полезной. Новые учебники и новая программа привлекли новых учащихся, а выпускники выходили с крепким навыком общения на русском языке.

В самом начале XX в. в Туркестанском крае начинают интенсивно распространяться мусульманские школы нового типа – новометодные мактабы, в части которых велось преподавание русского языка. Такой поворот застал краевые власти врасплох. Инертная и неповоротливая администрация столкнулась с практически неразрешимой проблемой – на смену консервативным и отсталым полубогословским мактабам и медресе пришли мусульманские учебные заведения нового типа, включившие в свои программы естественнонаучные и иные

актуальные дисциплины. Русской школе с новометодными мактабами конкурировать стало еще сложнее. В изменившихся обстоятельствах власти неожиданно обратились к духовным лицам ислама, видя в старых мусульманских учебных заведениях меньшее зло в деле упрочения российского влияния в Центральной Азии.

Сходные процессы шли и в степных областях с преобладающим казахским населением. Здесь власть также стремилась ограничить мусульманский «фанатизм», надеясь на снижение востребованности у казахов конфессиональной школы, противопоставляя ей учебные заведения, базирующиеся на российско-имперской культурно-образовательной модели. Однако фактическое невмешательство правительства мусульманской школы не повело к падению ее привлекательности в глазах коренного населения. Русско-туземные школы в степных областях также не смогли составить конкуренцию привычным мактабам. В этих условиях в повестку дня был поставлен вопрос упорядочения в системе начального образования инородческого населения с целью устранения из школ для инородческого населения «...узко-националистической, а в некоторых случаях и враждебной нашей государственности воспитательной системы». Это касается в первую очередь новометодных мактабов, где активность мусульманской образованной общественности по модернизации школьного дела мусульман намного опережала инициативы правительства. А любые попытки усиления контроля над традиционной школой (например, устройство классов русского языка) вызывали сопротивление местного населения. Исследователи отмечают: «Свидетельством неугасавшей тенденции, – выбора казахским населением пути, наиболее соответствовавшего этнорегиональным особенностям, – явился неизменно высокий показатель «вероисповедной активности»...»¹⁸.

Отсутствие согласованной государственной линии в деле распространения

«русской гражданственности» и конструирования гомогенной социальной среды (русификации)¹⁹ фактически превратило имперских чиновников в Центральной Азии в пассивных наблюдателей и регистраторов развития конфессиональной школы, мало соответствовавшей целям имперской интеграции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение отметим, что целенаправленное распространение русского имперского начала в различных сферах общественной жизни определил в качестве главной цели своей деятельности первый генерал-губернатор Туркестанского края К.П. фон Кауфман. Обладание чрезвычайными полномочиями позволило ему реализовать свои замыслы в большем объеме, чем коллегам из соседних регионов. Он заложил основы синтеза местного традиционного и российского общеимперского начал в самых разных сферах общественной жизни. Понимая неэффективность жестких русификаторских мер, он поставил задачу постепенно превратить жителей юго-восточной окраины в полноценных граждан России через содействие развитию местного самоуправления, сотрудничество с властью представителей местных элит, придание русскому переселению в край просветительского характера и т.п. Укрепляя имперскую судебную власть в крае, российская администрация сохраняла традиционные суды коренного населения, формально не вмешиваясь в их работу. Будучи уверенным в необратимости преобразований, Е.П. Кауфман докладывал императору: «Успокоенное материально и ненасилуемое в нравственном своем быте, не видя ни покровительства и уступчивости, ни гонения своей религии, население остается глухим к беспокойным проповедям доживающих или пришлых фанатиков»²⁰.

Однако столь оптимистичный прогноз, как мы видели выше, мало соответствовал

действительности. «Игнорирование» ислама и мусульманской школы позволило не только сохраниться конфессиональному образованию, но и расширить число своих приверженцев, стремившихся получить образование, не выходя при этом за пределы традиционного уклада.

Ужесточение курса в этом направлении, объяснимое необходимостью повышения эффективности распространения российской «гражданственности», совпало с воцарением нового императора, изменением политического курса правительства, а также изменениями в законодательстве, которые значительно ослабили самостоятельность туркестанского генерал-губернатора, постепенно ввергая край в ситуацию, в какой находились другие русифицируемые окраины. Разразившийся в 1898 г. Андижанский мятеж заставил власть сомневаться в правильности курса на веротерпимость и сохранение самобытности края.

В своем специальном всеподданнейшем докладе «Ислам в Туркестане» тогдашний генерал-губернатор С.М. Духовской предлагал сделать ставку на силу, установить жесткий контроль над мусульманским духовенством. К подобным выводам пришло и Военное министерство, предложившее усилить обрусение края, отменить выборность местной первичной администрации, перейти на русский язык в судопроизводстве²¹. Однако все эти предложения остались нереализованными. Огромная протяженность границ с мусульманскими странами, по словам министра финансов С.Ю. Витте, диктовала осторожность в отношении ислама из-за опасности «породить неприязненное <...> отношение во всем мусульманском мире»²². Ситуация в степных областях развивалась в том же направлении, фактически теми же методами и с тем же успехом.

Образовательная практика российских властей убеждает, что имперское правительство не осуществляло на территории своих центральноазиатских владений политику насильственной русификации. Оно

лишь стремилось к их закреплению в составе империи и распространению на новых землях общегосударственных установлений. Аккультурационное влияние этих мероприятий было минимальным, ибо опасения мусульманского сопротивления сдерживали трансформацию традиционной конфессиональной школы в государственных интересах, а неповоротливая имперская бюрократия оказалась фактически обезоруженной новометодными мактабами, принявшими на себя культуртрегерскую функцию.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Миллер А.И. Русификации: классифицировать и понять // *Ab imperio*. 2002. № 2. С. 133-149; Васильев Д.В. О политике царского правительства в Русском Туркестане (к вопросу о «русификации») // Сборник Русского исторического общества. Т. 5 (153). Россия и Средняя Азия. М.: Русская панорама, 2002. С. 58-70.
- ² Васильев Д.В. Казахи и русские: бытовая аккультурация в XIX в. // *Вопросы истории*. 2018. № 3. С. 151-165; Любичанковский С.В. Политика аккультурации в условиях разрушения империи: казус волостного земства // *Вестник Томского государственного университета. История*. 2017. № 50. С. 31-37; Любичанковский С.В. Профессионально-педагогическая выставка 1898 г. и имперская политика аккультурации // *Вопросы истории*. 2018. № 5. С. 125-136; Dmitriev V.V. The Southern Periphery of the Russian Empire and a Problem of Colonialism (On Materials of National Policy of Russia in Relation to the Crimean Tatars at the End of XVIII – the Beginning of the 20th Century) // *Былые годы. Российский исторический журнал*. 2017. № 45 (3). С. 1010-1024; Dzhundzhuzov S.V. Kalmyks of Southern Ural in the XVIII – Early XX Century: Problems of Assimilation, Acculturation and Preservation of Ethnic Identity // *Былые годы. Российский исторический журнал*. 2017. № 46 (4). С. 1194-1206.
- ³ Ковальская С.И., Любичанковский С.В. Российская образовательная система как канал аккультурации и модернизации сознания казахов-кочевников XVIII - начала XX веков // *Вестник Самарского университета. История. Педагогика. Филология*. 2018. Т. 24. № 2. С. 7-15; Любичанковский С.В. Русский язык как средство аккультурации: развитие русско-инородческих

школ в Оренбургском крае в середине XIX века // *Самарский научный вестник*. Самара, 2018. Т. 7. № 1. С. 161-165.

- ⁴ 1782 г. февраля 25. Обвестительная грамота Средней киргиз-кайсацкой орды к султанам, старшинам и всему народу об утверждении Вали султана ханом сей орды и о построении мечетей для богослужения сего народа на границах, прилегающих к кочевью Средней киргиз-кайсацкой орды // *Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е (далее – ПСЗРИ-I)*. Т. XXI. № 15352. С. 406-407.
- ⁵ 1784 г. мая 2. О мерах для укрощения своевольства киргиз-кайсаков // Там же. Т. XXII. № 15991. С. 142-144.
- ⁶ Васильев Д.В. Реализация реформ О.А. Игельстрома в степи оренбургского ведомства // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения*. 2015. № 1 (31). С. 17-22.
- ⁷ 1785 г. сентября 4. О построении школ и заведении караван-сараев при мечетях татарских // *ПСЗРИ-I*. Т. XXII. № 16255. С. 450.
- ⁸ 1784 г. ноября 27. О снабжении разных родов киргизских муллами // *ПСЗРИ-I*. Т. XXII. № 16292. С. 493.
- ⁹ 1786 г. июня 3. О разделении степи для киргизцев на три части, о построении городов, мечетей, школ и гостиных дворов, о разборе в пограничном суде одних судных гражданских и уголовных дел и о заведении расправ // *ПСЗРИ-I*. Т. XXII. № 16400. С. 604-606; Ответ Екатерины II на письмо О.А. Игельстрома от 15 октября 1786 г. об учреждении расправ в Малой орде, о ханской власти и пр. // *Материалы по истории политического строя Казахстана: со времени присоединения Казахстана к России до Великой Октябрьской социалистической революции*: Т. 1 / Сост. М.Г. Масевич. Алма-Ата: Изд-во Акад. наук КазССР, 1960. С. 73.
- ¹⁰ 1789 г. мая 10. «Объяснение» бар. О.А. Игельстрома имп. Екатерине II в ответ на обвинения, выдвинутые полк. Д.А. Гранкиным // *Материалы по истории Казахской ССР (1785-1828 гг.)*: Т. 4 / Под рук. М.П. Вяткина. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1940. С. 125.
- ¹¹ Васильев Д.В. Россия и Казахская степь: административная политика и статус окраины. XVIII - первая половина XIX века. М.: Политическая энциклопедия, 2014. С. 175-179.
- ¹² Бендриков К.Е. Очерки по истории народного образования в Туркестане (1865-1924 гг.). М.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1960. С. 61-62.
- ¹³ Там же. С. 68.

- ¹⁴ Там же. С. 73.
- ¹⁵ Цит. там же. С. 74.
- ¹⁶ Там же. С. 82.
- ¹⁷ *Лыкошин Н.С.* Полжизни в Туркестане: очерки быта туземного населения. Пг.: Склад т-ва В.А. Березовский, 1916. С. 232.
- ¹⁸ Традиционное казахское общество в национальной политике Российской империи: концептуальные основы и механизмы реализации (XIX - начало XX в.) / Ю.А. Лысенко, И.В. Анисимова, Е.В. Тарасова и др. Барнаул: АЗБУ-КА, 2014. С. 238, 251, 255.
- ¹⁹ Там же. С. 253.
- ²⁰ *Кауфман К.П.* Проект всеподданнейшего отчета генерал-адъютанта К.П. фон Кауфмана I по гражданскому управлению и устройству в областях Туркестанского генерал-губернаторства: 7 нояб. 1867 - 25 марта 1881 г. СПб.: Воен.-учен. ком. Гл. штаба, 1885. С. 10.
- ²¹ *Духовской С.М.* Всеподданнейший доклад Туркестанского генерал-губернатора генерала от инфантерии Духовского: Ислам в Туркестане. Ташкент: б. и., 1899. С. 18.
- ²² [*Витте С. Ю.*] Записка С.Ю. Витте по «мусульманскому вопросу» 1900 г. (Публикация Д.Ю. Арапова) // Сборник Русского исторического общества. 7(155). Россия и мусульманский мир. М.: Русская панорама, 2003. С. 198-209.

NATIONAL EDUCATION IN THE CENTRAL ASIAN PERIPHERY OF THE RUSSIAN EMPIRE AS AN OBJECT OF ACCULTURATION

© 2019 D.V. Vasilyev¹, S.V. Lyubichankovskiy²

¹ Moscow City Pedagogical University

² Orenburg State Pedagogical University

Starting the civilization development of the Kazakh steppe at the end of the 18th century, the Russian Empire took the main role to Islam. It hoped to extend to the region the Tatar model of intercultural and interconfessional interaction, which showed its effectiveness in internal Russia. A special role in the cultural development of the region was assigned to public education. The government was confident that local children would actively attend regular Russian schools. But that did not happen. The government was forced to change tactics from the support of Islam to the protection of the population (especially nomadic) from its influence. But even in the new conditions, the Muslim school still remained a successful competitor to Russian educational institutions. The acculturational influence of the Russian education in the Turkestan and Steppe Governorates General was minimal. The fears of the Muslim resistance held back the transformation of the traditional confessional school in the state interest, and the sluggish imperial bureaucracy turned out to be unarmed in front of the new method maktabs which had taken on the Kulturtrager function.

Keywords: Turkestan, Steppe Region, Kazakhs, Russian language, public education, acculturation, Russification.

Dmitry Vasilyev, Doctor of History, Professor at the Russian History Department.

E-mail: dvvasiliev@mail.ru

Sergey Lyubichankovskiy, Doctor of History, Chair of the Department of Russian History.

E-mail: svlubich@yandex.ru